

*ольга
алленова
форпост.
беслан и его
заложники*

18+

*ольга
алленова*

*форпост
беслан и его
заложники*

individuum

Содержание

Глава 1. **Война и смерть**

Верные себе
Проданный город
Первый день ада
Ультиматум
Девочка на газоне

Глава 2. **Смерть после смерти**

Четыре пирога
Георгий
Светлана
Володя
Город ангелов и белых птиц

Глава 3. **Вина и смерть**

Встреча с прокурором
Отставка
Свечи на асфальте
Несказанные слова

Глава 4. **Суд и смерть**

Подсудимый
Потерпевшие
Тайны следствия
Вопросы без ответа

Смерть за смерть

Глава 5. **Между жизнью и смертью**

Опасная комиссия

В Кремль

Раскол

Кнут и пряник

Тот самый доклад

Особое мнение депутата Савельева

Еще одно письмо президенту

Глава 6. **Жизнь после смерти**

Вечная память

Комитет

Матери в оппозиции

Пережить и жить

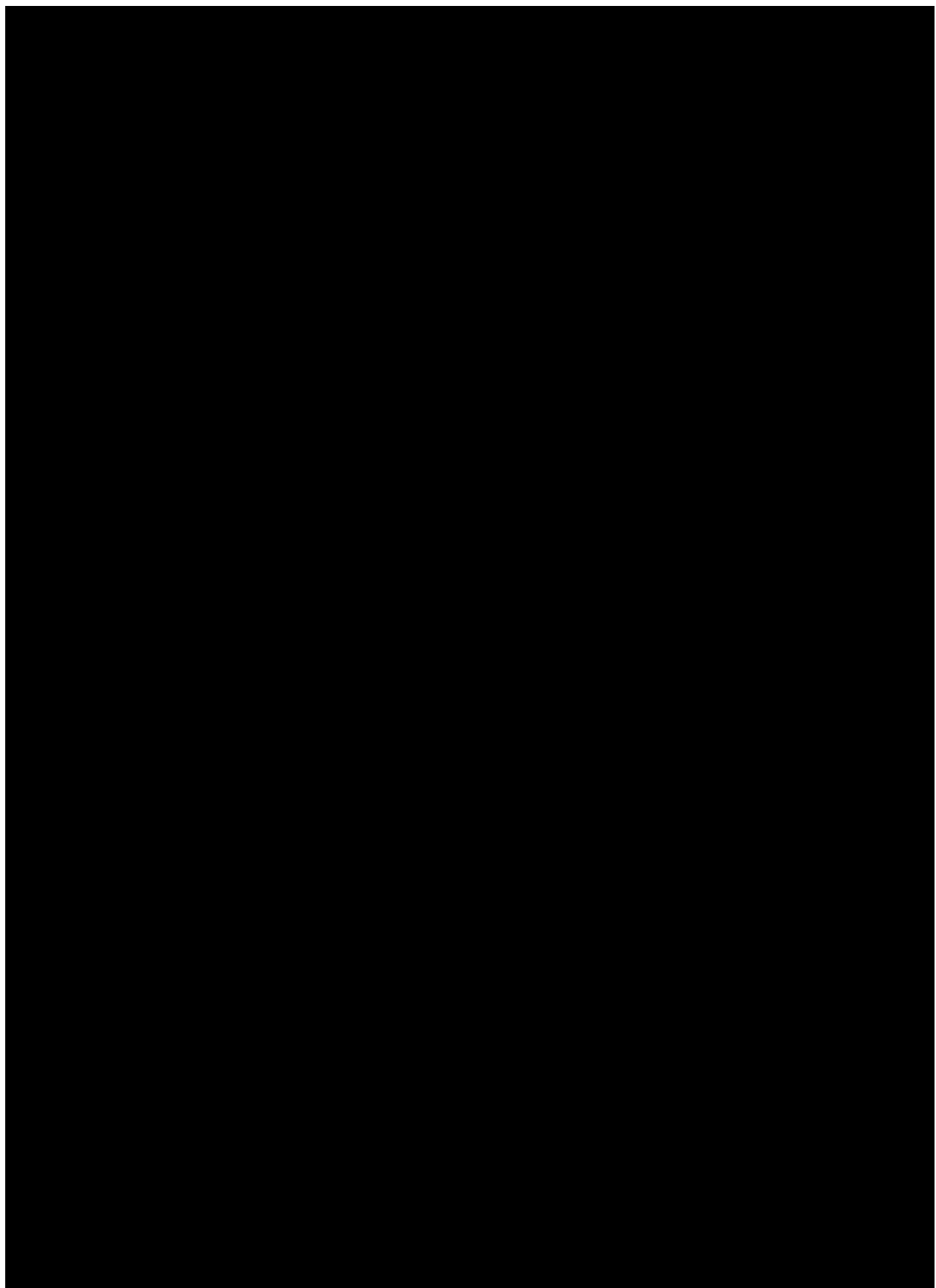
Горячая граница

Тюльпан, нарцисс и подснежник

Эпилог

Фотографии

Памяти моего учителя и друга
Максима Ковальского посвящаю

глава 1. война и смерть

Верные себе

В августе 2004-го я провела в Чеченской Республике более двух недель. Для меня это была очень тяжелая командировка. С начала Второй чеченской войны я практически не отдыхала, а самое главное — жила в состоянии глубокой психологической травмы и не обращалась к специалистам. Война, которую я видела своими глазами в 1999–2000 годах, продолжала жить во мне, разрушая мою личность, мою веру в Бога, мое ощущение безопасности, в конце концов. Мне казалось, что я нахожусь внутри какого-то кокона — липкого и гадкого, — и уже не я, а он определяет мои поступки, мою жизнь. Мне часто снился старик в одеяле и ушанке, стоявший на балконе многоэтажки, половина которой обрушилась от бомбежек. Я вспоминала людей, которые выползали на моих глазах из подвалов Грозного в начале февраля 2000 года, как они ели трясущимися руками кашу из походного котла МЧС и вжимали головы в плечи от любого громкого звука — потому что привыкли прятаться от снарядов.

Я входила в эту войну журналистом, уверенным в том, что мое государство действует правильно. Прожив детство и юность в Северной Осетии, я знала о похищениях людей, за которых требовали выкуп или угоняли в рабство, о бандитских набегах из Чеченской

Республики на соседние районы, о безвластии или многовластии вооруженных группировок в Чечне. Никогда не забуду видео казни заложника в Чечне, записанное боевиками и показанное на федеральном телеканале. Я проплакала тогда весь день. Эту войну я воспринимала как необходимую операцию по удалению гангрены на теле России. Осенью 1999-го официальные власти говорили, что все мирные жители вышли из Грозного по гуманитарному коридору и бомбят в Грозном только боевиков.

Вся моя вера разрушилась в начале 2000 года, когда я приехала в чеченскую столицу с первой колонной МЧС и увидела стариков, женщин и детей, живших в подвалах, голодавших, каждый день ожидавших смерти в виде артобстрела или бомбового удара. Я слушала рассказы людей, потерявших родных. Они не знали, кто теперь для них враг, кому нужно верить, кого следует бояться. В ту зиму я много раз слышала от местных, что они никогда не простят этой войны России. Я видела много обиды, ненависти, страха. Даже лояльные федеральному центру бойцы чеченского ОМОНа говорили, что ковровые бомбардировки на собственной территории, где живут собственные граждане, — это беспредел.

С того дня я как будто потеряла почву под ногами. Я не знала, что правильно, а что нет. По сути, переставая понимать границу между добром и злом, мы теряем часть своей личности. Потому что доброе начало заложено в каждого человека и каждый может видеть эту границу. Я же видела, как мое государство

поступает со своими гражданами и при этом врет остальным, — но не понимала, какой выход был из этого чеченского тупика, в который зашла Россия в конце XX века. Это сейчас, став старше и повидав много стран, имевших разный опыт борьбы с терроризмом, я знаю, что спецслужбы для того и существуют, чтобы не допускать открытой войны, ковровых бомбежек. Поддерживают каких-то авторитетных лидеров на проблемной территории, налаживают с ними государственное взаимодействие, финансируют их и восстанавливают через них контроль. Именно так Россия и поступила с Чечней впоследствии, когда ее возглавил старший Кадыров. Но в конце 1990-х у руководителей страны, кажется, не было желания искать менее кровавые пути выхода из этого конфликта. Новому президенту нужна была победоносная война, чтобы утвердить на ней мощь новой власти, нового государства, сплотить народ вокруг нового лидера, — это давно известная в политике формула. И Кавказ с его нерешенными земельными, политическими, геополитическими проблемами подходил для этой цели лучше всего.

В течение следующих лет я слышала от чеченцев упреки в адрес Осетии, с территории которой взлетали боевые самолеты и вертолеты. Несколько столетий Владикавказ был для России оплотом на беспокойном и до конца не покоренном Кавказе. Но у Осетии никто не спрашивал, нужны ли ей военные аэродромы, воинские части, хочет ли она войны в соседней Чечне. Осетия как единственная республика на Кавказе,

которая всегда была лояльной и законопослушной, принимала существующие правила как неизбежность. Это в воюющей Чечне не все понимали. «Это же ваш форпост», — говорили там.

Еще во время моей работы в газете «Северная Осетия», осенью 1999 года, я взяла интервью у генерала Шаманова, командующего западным направлением в военной операции на территории Чечни, и редакция попросила меня изменить слишком воинственный заголовок «Генерал Шаманов вошел в Волчьи ворота» на «Боевой генерал мечтает о мире». Мне сказали, что Осетия демонстрирует не воинственность, а, напротив, только мирные и дружеские настроения в отношении соседних республик и что такова позиция президента Северной Осетии Александра Дзасохова. Тогда я была возмущена цензурой, но впоследствии, слыша от чеченцев фразу про форпост, поняла, чего боялись власти Северной Осетии. Москва далеко, а ее военное присутствие сосредоточено в Северной Осетии. Те, кто пострадал в Чечне от этого военного присутствия, будут мстить. Осетия перед ними была беззащитна.

Как человек из местной, кавказской, среды, я чувствовала, что эта война в отдельно взятой республике опасна для всего Кавказа, но больше всего — для Осетии.

Несколько лет Осетию и соседнее Ставрополье лихорадило, террористы-одиночки взрывали маршрутки, захватывали автобусы, устраивали теракты в общественных местах. В августе 2003-го террорист взорвал военный госпиталь в моем родном городе —

Моздоке. Там работала моя тетка, которая тогда выжила, но через несколько лет умерла от стремительной тяжелой болезни. Нападение на госпиталь для меня стало тяжелым ударом. Несмотря на то, что назывался он военным, лечились там в основном гражданские. В городских учреждениях медицинская помощь оставляла желать лучшего, а в госпитале работали очень хорошие врачи и медсестры. Поэтому местные жители старались туда попасть на лечение.

Уже тогда я понимала, что это только начало. Форпост принял удар на себя, как и положено форпосту.

Но война вышла далеко за пределы Чечни чуть раньше. 23 октября 2002 года вооруженные террористы захватили заложников в Театральном центре на Дубровке в Москве. В мюзикле «Норд-Ост» играл мой друг и одноклассник Сергей Ли, но, по счастливой для него случайности, его не было в этот день в театре.

Я провела на Дубровке несколько дней [1] — говорила с родственниками заложников, чиновниками, военными. Больше всего запомнила встречу Валентины Матвиенко с родственниками заложников. Матвиенко тогда была вице-премьером, и этот эпизод кажется мне особенно важным для понимания последующих событий в Беслане.

Утром 25 октября террористы пообещали отпустить большую группу заложников, если их родные проведут на Красной площади митинг против войны в Чечне. Родственники и друзья заложников стали собираться, чтобы идти на Красную площадь. Кажется, кто-то даже

писал плакат. Расчет террористов был понятен: весь мир увидит картинку из центра России, с Красной площади, где измученные граждане требуют вывести войска из Чечни. Политические цели этой вооруженной группировки были очевидны всем. Кремль дал приказ не допустить протеста.

Возле оперативного штаба собралось много людей, они плакали и кричали: «Если мы не выйдем на площадь, они завтра начнут расстреливать заложников!» И тогда их позвали в штаб на встречу с Матвиенко. В этот момент здесь она была первым лицом государства. Из-за давки и спешки стоявший на входе милиционер не успевал сверить все фамилии входящих с данными заложников, и две женщины со словами «Она наша» провели меня внутрь.

Матвиенко обратилась к нам со словом «коллеги», что меня совершенно потрясло. Оно означало, что для нее эта миссия — просто формальное выполнение президентского поручения. Прошло 16 лет, а я до сих пор помню этот день и это слово, обращенное государственным чиновником к обезумевшим от горя людям. Чиновница сказала, что власть делает все возможное и любое нагнетание ситуации и требование митинга на Красной площади не помогут, — мол, бандиты на это и рассчитывают.

Школа № 1 — старейшее учебное заведение в Беслане, построена в 1889 году

— Так делайте то, на что они рассчитывают! — закричали в зале. — Завтра они начнут стрелять в наших детей!

— Сегодня на территории России много бандформирований, — сообщила вице-премьер. — Мы не можем мириться с этим и не разоружать их.

По сути, она сказала, что государство не может идти на уступки бандформированиям. Ее мысль поняли.

— Вот это позиция! — ответили из зала. — Вы за счет наших детей авторитет свой пытаетесь сохранить!

Матвиенко снова сказала, что «нужны терпение и выдержка» и «не надо потакать террористам», потому что «это не поможет». Люди яростно выкрикивали обвинения в адрес власти и лично вице-премьера, кто-то призвал идти на Красную площадь, и вице-премьер закричала:

— Коллеги! Это спекуляция! В городе введен особый режим. Красная площадь закрыта. Мы решаем вопрос об освобождении людей. Я не могу говорить вам подробностей, но поверьте, есть план действий, мы делаем все возможное.

— Да вы что, штурмовать собрались? — раздалось из зала.

— Я вам обещаю, штурма не будет, — сказала чиновница.

— Почему вы не хотите закончить войну? — спросили ее. — Дайте им свободу, пусть живут сами!

— Войска постепенно выводят, — немного подумав, сказала вице-премьер. — Но нельзя полностью их выводить. Это значит, мы отдаем людей, которые там живут, в руки отъявленных бандитов!

И еще она сказала:

— Мы не хотим показывать им слабость. Мы не боимся их, мы знаем, что делать!

— Вы не боитесь, потому что детей ваших там нет! — ответили ей.

Утром 26 октября в зал, где террористы удерживали заложников, спецслужбы пустили неизвестный нервно-паралитический газ, который обезвредил боевиков и в итоге убил многих заложников. Во время спасательной операции никто не знал, как реанимировать заложников, какой нужен антидот от примененного спецсредства. Погибло 130 человек. Власть осталась верна себе и не пошла на уступки террористам.

Казалось, организаторы этого теракта должны понять, что таким методом не добьются вывода войск из Чечни. Но они не поняли. Напротив, они решили нанести еще более страшный удар.

Для этого снова был выбран форпост. Беслан охранялся не так, как Владикавказ, но при этом оставался важнейшим городом республики. От ингушского населенного пункта Пседах, в окрестностях которого готовилась банда Хучбарова по прозвищу Полковник, до Беслана — всего 45 километров. Они выбрали одну из самых крупных в городе школ. Первого сентября 2004 года в эту школу пришло на первый звонок около 1200 человек.

Школа № 1 — старейшее учебное заведение в Беслане, построена в 1889 году. Считалась лучшей школой в городе. Здесь учились дети спикера северо-осетинского парламента Таймураза Мамсудова, который с семьей жил в Беслане. За время существования школа неоднократно достраивалась, поэтому к 2004 году представляла собой сложный организм из 60 помещений — классных комнат, залов, коридоров. Квадратная форма двора, закрытого со всех сторон ограждениями в виде зданий, создавала для учащихся ощущение уюта и безопасности, но именно она помешала многим заложникам покинуть территорию школы в начале захвата. Примерно в 100 метрах от школы располагалось здание УВД. Возможно, близость отдела милиции и была главной причиной захвата именно этой школы. Как выяснится

впоследствии из показаний заложников, не все боевики знали о том, что идут на захват школы — им было сказано о захвате администрации или милиции. Действительно ли главари банды планировали теракт в другом месте и по какой-то причине изменили планы или с самого начала обманывали своих подчиненных, зная, что кто-то может отказаться брать в заложники детей, — неизвестно.

Проданный город

В обед 1 сентября я должна была улетать из Минеральных Вод в Москву. Моя командировка в Чечню закончилась еще 29 августа, но мне необходимы были эти два дня в Пятигорске для перезагрузки.

В Пятигорске многие журналисты адаптировались к мирной жизни после войны. Привыкали к тишине, к воде из крана, к тротуарам, к жизни без выстрелов и страха. Эти сутки между войной и миром многим из нас были просто необходимы, чтобы вернуться домой в адекватном состоянии и не падать на землю от любого хлопка.

Я провела целый день на Машуке, где убили Лермонтова и где всегда сумрачно, сыро, тихо и стихи как будто застыли в воздухе. Там я всегда обретаю себя.

Я выпалась в гостинице, прокатилась в трамвае, съела килограмм пятигорского пломбира, собрала рюкзак, почувствовала, что война расступилась, выпустила меня и отползла, как густой туман к болоту, и я готова к возвращению в мирную жизнь. Но рано утром меня разбудил звонок из редакции. Не могу вспомнить, кто именно мне позвонил и сказал про захват школы в Беслане. Но помню быстрый ужас и мгновенную мысль: не ехать. Я знала, что поеду, — коллеги из редакции добрались бы лишь к вечеру, город

могли перекрыть. Холодный кокон снова обволакивал меня, как будто лишая воли и возможности выбора.

Я позвонила своим друзьям-фотокорреспондентам — Эдику Корниенко и Валере Мельникову. Мы вместе работали в Чечне на выборах. Эдик ехал из Ставрополя на «Газели» и обещал захватить меня по дороге.

Я ждала его на трассе, туда же подъехал Валера. Салон «Газели» был загружен их фотоаппаратурой, рюкзаками, — водитель должен был находиться с Эдиком в Беслане и вместе с ним вернуться назад. Через два дня этот парень будет возить окровавленных заложников из школы в бесланскую больницу.

1 сентября, когда мы мчались по трассе «Кавказ», о захвате заложников в Беслане знали на всех постах. Сотрудники ГИБДД, останавливая машины, проверяли документы, заставляли регистрироваться водителя, но содержимым наших рюкзаков не интересовались. Около 17 часов мы подъехали к границе Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Здесь выстроилась длинная очередь из легковых машин, «Газелей» и КамАЗов. Пропускали медленно, за час мы продвинулись вперед лишь на несколько машин. Поэтому, когда два парня в гражданском подошли к водителю и сказали, что за 200 рублей проведут нас без очереди, мы согласились. «Полтинник сразу, остальное можно потом, — сказал один из них, добавив, что полтинник надо отдать на посту, остальное они берут себе. — Обычно цена меньше, просто сегодня вы же видите, какой день». О том, что на этом участке трассы дань с водителей за проезд давно стала бизнесом, я знала — не первый раз

проезжала этот пост. Но в этот день цинизм нелегальных мытарей меня потряс.

Главарь боевиков Руслан «Полковник» Хучбаров в тренировочном лагере террористов в Ингушетии, кадр с видеозаписи с подготовкой теракта. Предположительно июнь 2004 года

Наша машина выехала из автомобильной очереди и тронулась за провожатыми. Один из них переговорил с сотрудником поста, и мы проехали за шлагбаум. Никто не заглянул в салон нашей машины, не проверил большие сумки и рюкзаки, да и паспортов не спросили. «Зарегистрируйтесь, — велел провожатый нашему водителю. — Быстрее только, и деньги давайте». Отдав оставшиеся 150 рублей, мы спросили, не закрыт ли Беслан. Парень быстро сориентировался: «Могу сопровождать прямо до Беслана, заплатите 1200 рублей. Нет? Ну езжайте сами. Там все закрыто, и вас все равно не пустят. Я же говорю вам, сегодня такой день, вы же слышали про заложников».

Мы отдали ему деньги. Парень сел в старенькую «девятку» и махнул рукой, велел нам ехать следом. Мы ехали со скоростью 100 км/ч и за все время пути

увидели только две машины ГИБДД, выставленные у дороги, но нас они не останавливали. В Беслане дорогу частично перекрыли машины патрульно-постовой службы, но и они нас не остановили. Мы проехали прямо к зданию бесланского Дома культуры, где собрались родственники заложников, — почти без остановок, ни разу не досмотренные ни на одном посту, в день, когда 30 боевиков захватили около 1200 заложников. В течение следующих трех дней, проведенных в Беслане, и следующих 15 лет, встречаясь с жителями Беслана, я слышала один и тот же вопрос: «Как они прошли?» Тогда, 1 сентября, замминистра внутренних дел Северной Осетии по фамилии Сикоев сказал, что террористы «прошли обходными тропами», а президент Дзасохов — что «Осетия окружена специфическими республиками». Это были странные объяснения. Если Осетия «окружена» и если существуют «обходные тропы», то для чего существуют власть и вот эти чиновники? Став форпостом России на Кавказе, Осетия имела право рассчитывать на безопасность. Здесь вообще не должно было быть обходных троп. Здесь должны были контролироваться все проселочные дороги. Война в Чечне, по сути, еще не закончилась. Очаг был горячим, обжигающим, взрывоопасным. Почему власти — после целой серии терактов в России, очевидно связанных с войной в Чечне, — не укрепили хотя бы эту республику, без которой не будет ни Кавказа, ни России?

Но, слушая людей возле Дома культуры, я понимала, что ответ все знали. Невозможно жить здесь и не знать,

как «Газель» или грузовик могут проехать без проверки по любым дорогам республики за 100 рублей. Они так и говорили: «на постах берут взятки», «разворовали страну», «нас продали». В этих словах было такое отчаяние, что я никогда не смогу его передать.

Из показаний потерпевшего Казбека Мисикова:

— Как вы считаете, почему стал возможным свободный проезд боевиков к школе?

— Я спрашивал их. Вот этот Али, он был в первый день более коммуникабельный, он был зам Полковника. Я его спросил: «Как вы сюда проехали?» Он сказал: «Здесь проблем нету. На каждом посту мы платили деньги. Нас не досматривали». Это слышал не только я.

— И как вы это оцениваете?

— А как я могу оценить? Я считаю, что с ним (Кулаевым. — О.А.) рядышком еще много кого надо посадить. Просто они в мундирах [2].

Первый день ада

Все, что было вечером 1 сентября, я помню как в тумане. Ни цветов, ни запахов, ни четких лиц. Я встречала своих знакомых, однокурсников, преподавателей, у них были потерянные лица, и я вспоминаю их как сон.

На площади перед Домом культуры Беслана много людей. На ступеньках ДК сидят женщины. Кто-то тихо воет, а ее ругают: мол, замолчи, накличешь беду. Она зажимает рот рукой. Плакать — нельзя. Думать о плохом — нельзя. Я сижу рядом с ними на ступеньках, мне жарко, в голове пусто, вокруг меня липкий кокон, и я чувствую, что любые действия бесполезны, все уже решено и ничего нельзя исправить.

Чтобы не поддаваться этому гадкому и мучительному ощущению, я заставляю себя слушать женщин. Я превращаюсь в передатчик — услышать, записать, передать.

До школы № 1 отсюда — всего ничего. Метров 300 по прямой, может, 400. Вокруг нас ходят ополченцы — местные жители с повязанными тряпками на рукавах. У многих в руках оружие. Говорят, они хотели прорываться в школу, но представители власти обещали им, что с боевиками наладят диалог, выяснят, какие у них требования, и договорятся, и заложников

освободят. Я не верю ни слову, потому что все это я уже слышала. Но внутри пульсирует надежда: а вдруг сейчас все будет иначе?

Выходит представитель властей Лев Дзугаев, он отвечает за связи местного правительства с общественностью. Его роль сейчас сводится к сообщению информационных сводок журналистам. Он говорит, что в школе «порядка 350 заложников», создан оперативный штаб, никаких требований террористы не выдвигают.

Эта версия будет основной до 3 сентября. Между тем штабисты еще до обеда знали, что боевики требуют переговоров. Заложница Лариса Мамитова между 11 и 12 часами дня вынесла из школы записку от террористов с требованием переговоров.

В записке говорилось, что за каждого своего убитого боевики будут убивать по 50 заложников. За раненого — 10 заложников. За отключение света и сотовой связи — 10 заложников. В записке был указан их телефон.

Но официальная версия гласила, что боевики ничего не требуют.

В это время в школе уже начали убивать людей.

Из показаний потерпевшей Людмилы Дзгоевой:

— А какая обстановка была в зале?

— В зале было очень много людей. Как только боевики зашли в зал, они начали затыкать людей. Один из боевиков подошел к Бетрозову, сказал, на колени и расстрелял.

— Сколько времени прошло с момента, как боевики ворвались в школу, до расстрела Бетрозова?

— Полчаса.

— Когда он его расстрелял, он это как-то аргументировал?

— Чтобы другие боялись [3].

Кадр из видеозаписи с линейки перед школой. Позднее на эту же камеру будут снимать происходящее внутри после захвата

В течение дня со стороны школы раздавались выстрелы. Позже выяснится, что в первый день террористы выбрали самых крепких мужчин среди заложников и заставили их баррикадировать партами окна — а потом почти всех расстреляли. Когда штабисты связались с боевиками, некто с позывным «Шахид» сообщил, что заложники расстреляны, потому что штаб не выходил на переговоры с террористами.

Уже стемнело, как со стороны школы раздался глухой протяжный хлопок. Женщина рядом со мной заплакала.

**Из опроса потерпевшей Аллы Ханаевой
в Верховном суде Северной Осетии:**

— Как долго она стояла, шахидка?

— Шахидка стояла где-то часов до 10 вечера. Между 9 и 10 часами вечера. Потом ее уже не было, ни одной, ни второй. [...]

— Что с ними случилось?

— Потом уже нас не пускали в туалет, нас выводили в класс. Я пошла своего ребенка, сына, вывести в класс, уже вечером, где-то вот в это время, между 9 и 10 часами. Там маленький коридорчик был, школьный коридор. [...] Выходя оттуда, ведя своего ребенка, я услышала какой-то спор. Этот спор был между женщиной и мужчиной, то есть, повернув голову, я увидела, что [он ударил. — *Ред.*] шахидку прикладом автомата, я думаю, что это был их главарь, он был в тюбетейке, шел между ними какой-то спор. Я единственное, что слышала, она сказала русским языком, на русском языке без акцента, она кричала, что нет, нет, я не буду, вы сказали, что отдел милиции. Эти слова я четко помню. После того как мы вернулись в зал, мы слышали, сильный был взрыв. [...] После меня женщины, тоже выходившие и заходившие в туалет, [...] сказали, что одну шахидку подорвали, кто-то видел, а вторая вот погибла от осколков. Рядом она стояла. [...]

— А подорвал кто?

— Наверное, главарь [4].

Поздно вечером пошел сильный ливень. Вода, лившаяся с неба, казалась непробиваемой стеной. В эту ночь в Беслане никто не спал. Люди не уходили домой, а прятались под козырьками магазинов и в ближайших подъездах. В штабе по оказанию психологической помощи работали врачи и психологи. Врачи разливали корвалол и валерьянку. Психологи разговаривали с людьми, но желающих поговорить было немного. Молодая женщина плакала, а психолог спрашивал ее, чего она боится [5].

— Я боюсь, что их убьют, — плакала женщина, зажимая рот носовым платком.

Я подумала, что эта женщина очень сильная. Потому что вот так честно сказать о своем страхе сможет не каждый.

— Не бойтесь, — говорил ей психолог. — Этого не произойдет.

— Откуда вы знаете? — спрашивала она с надеждой.

Он, конечно, ничего не знал. Но здесь все надеялись. Женщина, которую звали Тамарой, сказала мне, что террористы не станут трогать детей — в конце концов, и у них есть дети. Сестра Тамары говорила, что если президент Дзасохов выйдет к народу, а потом пойдет на переговоры к террористам, то его послушают. На Дзасохова было очень много надежд.

Позже я узнала, что Дзасохов действительно настаивал на переговорах, чем раздражал военных. Во второй половине дня в Беслан прилетели бойцы «Альфы» и «Вымпела», а с ними на борту находился генерал Владимир Проничев — первый заместитель

директора ФСБ России, который сразу же направился в Беслан. Предположительно, другой замглавы ФСБ генерал Анисимов, прилетевший тем же бортом, направился в штаб 58-й армии. Под размещение спецназа выделили здание профтехучилища № 8, расположенного рядом со школой.

Сразу после приезда московских генералов ситуация изменилась. Дзасохов полностью потерял влияние в оперативном штабе, а переговорный процесс, по сути, был обречен. Но люди на площади у Дома культуры этого не знали, и я тоже узнала об этом спустя много месяцев. Долгое время я думала, что террористы действительно не выдвигали требований. И если бы не судебный процесс над выжившим боевиком Кулаевым, думаю, эта информация так и осталась бы скрытой.

Около полуночи, падая от усталости, я пошла в бесланскую гостиницу, забитую журналистами. Все комнаты были заняты, кроме одной — в ней не было кроватей, но мне дали толстое одеяло, на котором можно было спать. Не помню, кто именно, но кто-то из коллег уступил мне свою кровать, а сам лег на полу. Я рухнула на нее и мгновенно отключилась, а через час или два проснулась от шума. Журналист телекомпании «Аль-Алам» Абдула Иса после короткого звонка на мобильник стал куда-то собираться, это вызвало оживление в гостинице. «Они предлагают мне пойти на переговоры, — сказал нам Абдула. — Они хотят иностранца. Мне звонили из МИДа, сейчас за мной пришлют машину». Чья была идея отправить к боевикам

на переговоры арабского журналиста, не знаю. Сам Абдула говорил нам, что журналиста потребовали террористы. Но по какой-то причине он к ним так и не попал. Через два часа он рассказал, что ждал в оперативном штабе, пока «представитель штаба» говорил с террористами по телефону. По словам журналиста, стороны не договорились, разговор прервался, а потом террористы отключили телефон.

Первые часы после захвата. Боевик минирует помещение спортзала школы

В эту ночь надежды Беслана на быстрое освобождение заложников рухнули. Представители оперативного штаба собрали людей в зале Дома культуры и объяснили, что «процесс будет долгим и займет как минимум два-три дня». Меня туда не пустили.

Хроника среды 1 сентября 2004 года: